

ского князя. Если бы удалось доказать, что на протяжении XI — начала XII в. в русской княжеской титулатуре строго выдерживался иерархический принцип, противопоставляющий киевского князя всем остальным князьям, тогда действительно попытки уловить новые тенденции в титулатуре были бы оправданы. Однако обращение к памятникам ранней русской сфрагистики не обнаруживает никакого противопоставления.

Князья, владевшие разными землями и находившиеся в равноправном по отношению друг к другу положении, одинаково титулуют себя «архонтами России» (русскими князьями) — Владимир Мономах, Мария, Давид Игоревич. Казалось бы, что печати киевских князей должны в своих надписях отразить иерархическое превосходство их владельцев над остальными русскими князьями. В действительности этого нет. Напротив, достоверные киевские буллы Всеволода-Андрея Ярославича содержат надпись с уничижительной благожелательной формулой, в которой титулу нет даже места, и не отличаются от булл того же князя, употреблявшихся им в докиевский период княжения. По содержанию легенд и оформлению они также совершенно неотличимы от булл смоленского князя Вячеслава Ярославича. Признаки известного превосходства могут быть отмечены в титулатуре печатей Марии и Владимира Мономаха, называющих себя «благородной» и «благороднейшим», но эти буллы как раз не принадлежат к сфрагистике Киева, а элементы тенденционного превосходства объясняются на них династическими связями с византийским императорским престолом.

Не обнаруживает также какого-либо противопоставления и материал эпиграфики. В записи о погребении Всеволода Ярославича граффито Софийского собора в Киеве называет покойного «русским князем»³¹. Просто «русской княгиней» называется вдова киевского князя Изяслава Ярославича³². С другой стороны, повествуя о начальных этапах русской истории, летописец, не смущаясь, говорит о «великих князьях, под Олегом сущих» в Киеве, Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове, Любече³³.

³¹ С. А. Высоцкий. Указ. соч., стр. 228.

³² С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской. «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1982, стр. 154. Мы не касаемся здесь случаев именованной Ярослава Мудрого «царем» или «каганом», имеющих, по-видимому, индивидуальный характер.

³³ ПСРЛ, т. I, вып. I. Изд. 2. Л., 1926, стб. 31 (под 907 г.).

Вполне очевидно, что сами русские князья и их современники XI—XII вв. придавали различию терминов «князь» и «великий князь» куда меньшее значение, чем хорошо осведомленные о позднейшей тщательной регламентации феодальной титулатуры историки XX в. Как кажется, эпитет «великий» в ту эпоху не имел еще принципиального характера и мог усваиваться князьями разных территорий, если эти князья были склонны к пышному самотитулованию.

В поисках решения вопроса об атрибуции белгородской буллы мы должны исходить из двух посылок. Во-первых, печать принадлежала какому-то князю Мстиславу, получившему при крещении имя Андрей. Во-вторых, в круг возможных ее владельцев входят не только киевские, но и прочие самостоятельные русские князья. Существует, однако, и третья посылка. Сравнение белгородской буллы со всей совокупностью материалов древнерусской сфрагистики не обнаруживает каких-либо стилистических или композиционных аналогий ей за пределами XI—первой четверти XII в. Она родственна рассмотренным выше печатям и немногим буллам с греческими строчными надписями, с которыми нам еще предстоит познакомиться, но сходства с более поздними буллами у нее нет.

В пределах указанного времени источники знают пятерых князей Мстиславов. Из них два уже упомянутых — Мстислав Владимирович Красный (980—1034 гг.) и Мстислав Владимирович Великий (1076—1132 гг.) не могут быть владельцами буллы: первого звали Константин, второго Феодором. Крестильные имена еще двух Мстиславов летописцу не известны. Первый из них, Мстислав Изяславич, старший сын Изяслава Ярославича, в 1069 г. был посажен на княжение в Полоцк, но в том же году умер. Мстислав Святополкович, сын Святополка Изяславича, в 1097 г. получил княжение во Владимире-Волынском, но в том же году был убит. Теоретически и тот, и другой могут быть признаны возможными владельцами белгородской печати.

Однако наиболее существенными шансами обладает пятый одноименный князь, известный летописцу как «Мстислав Игорев внук», — прямой потомок Игоря Ярославича, княжившего в 1054—1057 гг. на Волыни, а в 1057—1060 гг. — в Смоленске. Отчество Мстислава летописцам не известно, а деятельность освещена крайне скупо. В 1097 г. он помогает своему дяде Давиду Игоревичу во время его столкновения с русскими князьями, в 1100 г. уходит «на море» (в Тмутаракань?), в 1103 и 1107 гг. участ-